

Bystrova, Jelena

**Исследование Д. Чижевским особенностей славянской литературы
: (на примере творчества Н. Гоголя и Ф. Достоевского)**

In: *N. V. Gogol: Bytí díla v prostoru a čase : (studie o živém dědictví)*.
Dohnal, Josef (editor); Pospíšil, Ivo (editor). V Tribunu EU vyd. 1. Brno:
Masarykova univerzita, Ústav slavistiky Filozofické fakulty, 2010, pp.
39-47

ISBN 9788073991975

Stable URL (handle): <https://hdl.handle.net/11222.digilib/132711>

Access Date: 16. 02. 2024

Version: 20220831

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University
provides access to digitized documents strictly for personal use, unless
otherwise specified.

ИССЛЕДОВАНИЕ Д. ЧИЖЕВСКИМ ОСОБЕННОСТЕЙ СЛАВЯНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ (НА ПРИМЕРЕ ТВОРЧЕСТВА Н. ГОГОЛЯ И Ф. ДОСТОЕВСКОГО)

ЕЛЕНА БЫСТРОВА (ТЕРНОПОЛЬ)

В статье подается анализ творчества Н. Гоголя через призму литературоведческих идей украинского ученого и исследователя славистики Дмитрия Чижевского. Исследуются особенности поэтики таких произведений, как «Шинель» и «Мертвые души».

Ключевые слова: стиль, поэтика, ментальность, нация.

The author of the present article investigates some of Gogol's works through the theoretical ideas of Ukrainian philologist and philosopher Dmytro Chyzhevsky.

Keywords: style, poetry, national peculiarity.

Выдающийся украинский ученый, философ, литературовед, педагог Дмитрий Чижевский внёс заметный вклад в исследование украинской и зарубежной культуры и науки. Много времени он посвятил изучению этапов истории мировой литературы, изучению творчества русских и украинских писателей. Д. Чижевского привлекали те писатели, в которых он ощущал ритм романтизма, отблеск романтического мировоззрения. Среди русских писателей Чижевский выделял Достоевского, Гоголя, Блока, Тютчева.

Постепенно творческое наследие Д. Чижевского все больше начинает интересоваться ученых. Переиздаются его работы. За последнее десятилетие были выданы его работы: «История украинской литературы» (Тернополь, 1994г.), «Украинское литературное барокко» (Киев, 2003), в 2005 году был выдан четырехтомник философских произведений Чижевского, и украинский перевод «Сравнительной истории славянских литератур». В Дро-

гобыче в 2003 году был выдан сборник научных работ «Дмитрий Чижевский и мировая славистика», в 2005 году в Москве была выдана монография Н. С. Надъярных «Дмитрий Чижевский. Единство смысла», а в 2007 году была опубликована рецензия на эту монографию Николая Ильницкого в журнале «Слово и Время». Все это указывает на возрастающую заинтересованность фигурой Дмитрия Чижевского. В его научном наследстве каждый исследователь зарубежной и украинской литературы может найти материал для самообразования и повышения уровня квалификации. Энциклопедизм и универсализм Дмитрия Чижевского поражают. Г.-Г. Гадамер, в частности, упоминал о своем друге: «Чижевский был просто всезнающим, а лучше: он принадлежал к типу ученых, которые специально знают все, чего все другие не знают... Его действительно нельзя было имитировать, он был абсолютно единственным в своем роде».¹

На страницах философских, литературно-теоретических работ Чижевского встречаем почти все имена тех, кто создавал мировую культуру от античности до новейших времен. А товарищ молодых лет Афанасий Феденко писал, что с именем Чижевского «...украинские ученые и исследователи могут смело выступать на мировом форуме без inferiority complex».

Духовная традиция Чижевского – это прежде всего могущественный толчок для развития украинской науки в целом и в частности – славистики, философии, теории литературы, литературоведения, искусствоведения, антропологии, психологии, педагогики, истории. Духовная традиция Чижевского – это прорыв Украины в мировую науку и культуру. С Чижевским каждый украинский ученый может смело идти в мировое духовное пространство.

Среди большого числа научных интересов Чижевского оказались Ф. Достоевский и Н. Гоголь – прежде всего как антропологи, знатоки человеческих душ. Ответы на вопросы философского, антропологического, эстетического характера, которые волновали Чижевского не только как ученого, но и как человека, он находил в произведениях этих писателей.

Роман «Бедные люди» и «Шинель» – это вопль души писателя против унижения человека бедностью. Из-за бедности человек становится отчужденным от живой жизни, из-за бедности возникает одиночество, невозможность завести семью, воспитывать детей. Героических усилий докладывает герой, чтобы остаться человеком, сохранить душу, ее способность к любви, искренности, доброжелательности. Ф. Достоевский и Н. Гоголь осветили

¹ ГАДАМЕР, Г.-Г.: Спогади про Дмитра Чижевського. Славистика. т. 1, Дмитро Чижевський і світова славистика. Дрогобич: Коло, 2003, с. 175-178.

ИССЛЕДОВАНИЕ Д. ЧИЖЕВСКИМ ОСОБЕННОСТЕЙ СЛАВЯНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(НА ПРИМЕРЕ ТВОРЧЕСТВА Н. ГОГОЛЯ И Ф. ДОСТОЕВСКОГО

своих протагонистов с впечатляющей силой откровенности в «шекспировских масштабах»². Шекспировский фон пульсирует в экстатичности чувств, которым тесно в эпистолярных рамках.

Экстатичность чувств бедной, униженной бедностью человека, – единственный способ показать неординарность, способность мыслить, любить, мечтать и – страдать высоко, духовно страдать. Экстатичность диктует и своеобразный стиль, определились и стали ведущими такие сквозные грани авторской манеры, как – сплошная противоречивость в множестве ее проявлений (как фактор мировоззренческо-философский и социальный), склонность к господствующей роли доминантных образов (в этом романе это, прежде всего, душа и сердце), любовь к уменьшительным суффиксам как единый путь высказать нежность, прицельное внимание к деталям экзистенциального характера, к тому, чем живое человек в ее земном бытии и о чем думает и пишет с предельной душевной деликатностью и романтичностью, это и сакральные мотивы, за которыми сдержанная, невзрачная христочентричность.

Не может быть и тени сомнения, что роман «Бедные люди» духовно связан с гоголевской «Шинелью». Надо напомнить слова Ф. Достоевского: «Все мы вышли из гоголевской «Шинели». Но это что-то совсем другое. Не случайно же Макар не воспринял «Шинели», которую ему передала для чтения Варя. «И для чего же такое писать?» – горько спрашивает Макар. Нищие детали быта и сама фигура несчастного шокируют Макара. И действительно! Акакий и Макар – герои разные. У Макара есть его амбиции – чувство собственного достоинства. Он философ и личность. Этим проявлениям человеческого духа уделял значительное внимание Д. Чижевский, делает ударение на преимуществе «высшего» в человеке: «Низшая сфера человеческого бытия обременяет, временами делает невозможным свободное движение человека, и взлет вверх. В человеке живут не только силы низшего подсознательного мира, а и силы надсознательного – пророческие силы... Из высшей сферы бессознательного к сознанию человека поступают экстатические откровения загадочного и неясного происхождения и даже просто «мысли», в сути своей прозрачные и выразительные»³. Так, мысли и выражения Макара целиком прозрачные, но оформленные как максимы, как обобщенные формой истины, проверенные жизнью и собственным опытом.

² ГЕРХАРД, Д.: Спогади про Д. І. Чижевського. Славістика. т. 1, Дмитро Чижевський і світова славістика. Дрогобич: Коло, 2003, с. 177.

³ ЧИЖЕВСЬКИЙ, Д.: Про «Шинель» Гоголя. Філософські твори в 4-х томах. т. 3, Киев: Смолоскип, 2005, с. 348.

Макар функционирует в тексте как носитель близких Ф. Достоевскому идей гуманистического направления – прославление человека, вера в добро, благородство чувств, ненавязчивая христоцентричность. Герой Акакий этого не имеет. Он не обладает чувством собственного достоинства, что делает его существование пресным и мучительным.

Горечь бедности, бедность порождают наклон к типологическим обобщениям. Бедность унижает и удручает, но не должна сломать чувство собственного достоинства, впечатлительности: «Он, бедный, он требовательный; он и на мир божий иначе смотрит, и на каждого прохожего искоса смотрит, и вокруг себя обеспокоенным взглядом ведет, и прислушивается к каждому слова, – дескать, или не о нем речь идет? Что, дескать, чему это он такой невзрачный?.. И каждый знает, что бедный человек хуже тряпки и ни одной уважения ни от кого получить не может.., у бедного, дескать, ничего заветного не может быть, ни амбиции какой-то ни-ни-ни!». Горькие эти откровения – это и есть просветленный экстатический язык самораскрытия и обобщения того, что есть высшим у человека – идеи достоинства и сопровитвления: «А чему же так и будет по-старому?»

Дмитрия Чижевского Н. Гоголь привлекал не только как художник, автор величественной прозы, философ, но и как человек, личность, писатель. Гоголь для него «...творец и мыслитель мирового масштаба, в своей кровной, хоть и переданной через русский язык, связи с украинским писательством, украинской духовностью»⁴.

Чижевский призывает нас к методу медленного чтения как единственно правильного метода чтения классиков. Читая таким образом, наслаждаясь словом и поэтикой художника, Чижевский был поражен характером полифункциональности отдельного слова, и вдобавок – малозначимого, служебного, такого, как, например – «даже». В знаковом рассказе Гоголя «Шинель» исследователь насчитал 73 употребление этого словца. Это удивляло, но путем внимательного анализа Чижевский доказал, что такая частотность употребления – неслучайна, и во всяком случае это сквозное слово, эта доминанта несет в себе что-то новое, какой-либо новый оттенок значения. Скурпулезно шлифуя свой стиль, Гоголь не мог не увидеть у себя эту странную частотность. И не просто перечитывал писатель уже созданное, но и это чтение делал дискретным, перерванным:

«Сначала надо набросать все, как получится, хотя бы и плохо, водянисто, но решительно все и забыть об этой тетради. Со временем, через месяц, через два, иногда и больше (это выяснится именно собой), вынуть написан-

⁴ БАРАБАШ, Ю.: Гоголіана Дмитра Чижевського. Диво слово, 2002, №10, с. 4.

ИССЛЕДОВАНИЕ Д. ЧИЖЕВСКИМ ОСОБЕННОСТЕЙ СЛАВЯНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(НА ПРИМЕРЕ ТВОРЧЕСТВА Н. ГОГОЛЯ И Ф. ДОСТОЕВСКОГО)

ное и перечитать: вы увидите, что немало чего не так, много лишнего, а кое-чего и не хватает. Сделайте исправление и заметки на берегах – и снова закиньте тетрадь. При новом просмотре его – новые заметки на берегах, а где не хватит места – взять отдельный клочок и приклеить сбоку. Когда все будет таким образом списано, возьмите и перепишите тетрадь собственноручно... Так надо делать, по-моему, восемь раз...»⁵.

Эта манера создания искусства весьма импонирует Чижевскому. Он подсчитывает частотность употреблений определенных лексем и в других произведениях Гоголя. Количество их приводит в удивление и поражает. Так, в «Повести о капитане Копейкине» (вставная новелла в «Мертвых душах»), на восьми страницах текста Чижевский нашел и подсчитал 13 раз «сударь мой», 15 раз «можете вообразить» и «вообразите только», 23 раза «знаете» или «понимаете», 20 раз «такой себе», 12 раз – «в определенном смысле», 11 раз – «так бы сказать», 9 раз «относительно» или «соответственно говоря».

Д. Чижевский считает, что такая манера – употребление как будто лишних слов – является манерой устной речи, именно в такой способ художник передает характер говорящего, его невежество, неловкость перед слушателями, отсутствие опыта высказывать содержание перед слушателями. От такой игры словом, по мнению Чижевского, «тянутся нити к важному содержанию литературного произведения»⁶.

Называя такую литературную манеру игрой в искусстве слова, Чижевский связывает ее с чертами юмора, комического у Гоголя. А комизм Гоголя, считает он, это «своеобразная игра противопоставлений, антитез осмысленного и бессмысленного, игра, в которой они изменяют одно одного... Так чередуются серьезное и шутка», так возникает, скажем мы, эффект неожиданности: читатель ждет продолжения в начальном тоне и вдруг слышит что-то целиком противоположное. В этой игре оказывается, что и служебные слова приобретают определенную весомость и значение, те самые «даже» и другие.

Один из ассистентов Гайдельбержского университета, который готовил юбилейный сборник в честь 70-летия Чижевского, упоминает о нем: «Оригинальность Чижевского проявляла себя в его чувствительности к смеш-

⁵ ЧИЖЕВСКИЙ, Д.: Про «Шинель» Гоголя. Філософські твори в 4-х томах. Киев: Смолоскип, т. 3, с. 386.

⁶ ЧИЖЕВСКИЙ, Д.: Про «Шинель» Гоголя. Філософські твори в 4-х томах. Киев: Смолоскип, т. 3, с. 388.

ному, странному, гротескному, абсурдному. Итак, не случайно любимейший его писателем был его земляк Н. В. Гоголь»⁷.

Подобные зигзаги в течении сказа и его тональности наблюдал Д. Чижевский у Ф. Достоевского, которому посвятил несколько знаковых статей. Он обращал внимание на появление антиподов, контрастирующих по смыслу выражений, полярных афоризмов, столкновенье противоположных идей. Это, может быть, столкновенья «верхнего» в человеке с ее «низшим», столкновенья идей светлых с идеями «чугунными», столкновенья красоты с антикрасотой. Так, Чижевский утверждает: «В человеке живут не только силы низшего подсознательного мира, а и силы надсознательного – про-роческие силы»⁸.

Чижевский наблюдает у Гоголя бессмысленные фразы, например, в ссоре Ивана Ивановича с Иваном Никифоровичем, например: «в дочинение ошельмувавшись состоялся». Частые чередования серьезного с шутивым, патетическая интонация возле иронической представляется уже не патетичной, а комической. Это «даже» часто встречается и в других произведениях Гоголя, так в «Мертвых душах»: «губернатор был большой добряк и даже сам вышивал иногда по тюлю». Здесь «даже» нивелирует осмысленное.

Комические ситуации возникают при нелогичных антитезах: «Иван Иванович немного боязливый на характер. У Ивана Никифоровича, наоборот, такие густые складки в шароварах, которые когда бы их опроздмать, то туда можно было бы уместить целый двор...». Эту гоголевскую манеру игры перенял М. Булгаков, искренний последователь и приверженец Гоголя. Так, в «Белой гвардии», когда Петлюра вошел в Киев, слышать на улицах:

- Болботун – великий князь Михаил Александрович.
- Наоборот: Болботун – великий князь Николай Николаевич.
- Болботун – просто Болботун...
- Наоборот: они с красными бантами.
- Болботун против Петлюры.
- Наоборот: он за большевиков.
- Целиком наоборот: он за царя, только без офицеров.⁹

⁷ ГЕРХАРД, Д.: Спогади про Д. І. Чижевського. Славістика. Дмитро Чижевський і світова славістика. Дрогобич, 2003, т. 3, с. 223.

⁸ ЧИЖЕВСЬКИЙ, Д.: Достоевський-психолог. Філософські твори в 4-х томах. Киев: Смолокип, т. 3, с. 349.

⁹ БУЛГАКОВ, М. Белая гвардия. Киев: Богдана, 1995, с. 181.

ИССЛЕДОВАНИЕ Д. ЧИЖЕВСКИМ ОСОБЕННОСТЕЙ СЛАВЯНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(НА ПРИМЕРЕ ТВОРЧЕСТВА Н. ГОГОЛЯ И Ф. ДОСТОЕВСКОГО)

Одной из поэтических функций словца «даже», как считает Чижевский, является функция усиления, роста напряжения, которое начинает ожидать читатель, а Гоголь вдруг будто отстраняет это слово с его напряжением. То, что имело бы идти за «даже», устранивается. Эффект напряжения исчезает. После такого устранения гиперболы содержание ситуации оказывается бес-содержательным, нулевым. Жизнь маленького чиновника, все его мечты, которые сошлись на одной – пошив шинели, напоминают нам жизнь Макара Девушкина, тем не менее лишь извне, так как у Макара была любовь и желание опекать. Может, поэтому он так возненавидел описания жалкой жизни низших пластов общества, возненавидел «Шинель» Гоголя.

Д. Чижевский считает, что одной из ведущих мыслей в творчестве Гоголя является мысль, что каждый человек имеет свою страсть, «запал». «Запал» Акакия Башмачкина – ниже всех, но этот запал, увлечение набирает у Гоголя трагические черты, поэтому и не насмешку вызывает эта страсть, а искреннее сочувствие. «Запал» Башмачкина – это своего рода «незыблемая идея» в отличие от живой идеи. И в этой незыблемости она вызывает ассоциации, связанные с романами Достоевского, например идея обогащения, или идея Ротшильда, которая завладела Подростком в одноименном романе, или идея выигрыша в карты у Германа из «Пиковой дамы» Пушкина.

Сквозным героем многих произведений Гоголя, как считает Чижевский, является черт. Он выступает в разных ипостасях: как словесная игра, в бранном слове, черт безликий в христианской и фольклорной традиции. Или черт в подтексте, угадываемый интуитивно. Юмор Гоголя, считает Чижевский – своеобразное средство борьбы против униженности, против чертового «ничто». Аспирантка Гарвардского университета 50-х лет, Ася Гумецкая, вспоминает: «Вообще о черте он упоминал часто и любил цитировать Гоголя, где тот описывает нечистую силу в разных бытовых ситуациях как что-то целиком реальное. О Д. Чижевском, как и о Н. Гоголе, можно бы было написать книгу «Чижевский и черт».

Еще и еще раз исследователь призывает нас к медленному чтению классиков, призывает обращать внимание на мелочи. Утверждает, что в больших духом произведениях нет мелочей.

Основой научных работ Д. Чижевского являются размышления об украинской характерологии, украинской ментальности в целом и для понимания творчества Гоголя. Украинские основы он усматривает во всем, в микрокосме Гоголя. Обращаясь к характерологии Гоголя, Достоевского, Чижевский утверждал философский подход к каждому человеку как микрокосмический, а потому – философский. «Существенная своеобразность философии любой нации характеризуется тремя признаками: 1) формой вы-

сказывания философской мысли, 2) методом философского исследования, 3) строением философской системы, «архитектоникой», что определяется, главным образом, местом и ролью той или другой ценности в системе»¹⁰.

Человек как малый мир, микрокосмос, и все, что существует в мире, таится в глубине сердца, в бездонности его. Этот микрокосмос является своего рода склонностью к духовной одинокости как характерной особенностью психического порядка выдающихся украинцев, к тому, что Гоголь называл «духовным монастырем» (Сковорода, Гоголь, Максимович, Кулиш). Духовная одинокость отображает этическую ценность личности, право каждого человека на собственный, индивидуальный этический путь. Относительно Сковороды и Гоголя, это свойство психологического типа Чижевский называл «плюралистической этикой». Между подобными этическими типами, считал Чижевский, должна властвовать не борьба, а единодушие и гармония: «мир» – это основная этическая и социальная ценность – мир между людьми и мир между людьми и богом (Киевская школа, Сковорода, Гоголь, Кулиш).

К идеалу внутренней гармонии, как утверждал Чижевский, прибавляется идеал внешней гармонии как высочайший идеал этического сознания. Ближе всего к нему приблизились Сковорода и Гоголь. И здесь ясно проступает религиозная окраска, а с ним – католическая мистика сердца и теологическая мистика в целом. Гоголь особенно делал ударение на значении эмоциональной сферы жизни – в противоположность уму и воле человека. За распределением всех людей как психологических типов К.-Г. Юнг называет сенсорный, умственный, интуитивный и эмоциональный типы. Вероятно, Гоголь принадлежал к интуитивному типу.

Гоголь притягивал к себе Чижевского всю его жизнь и в разных сферах деятельности, в том числе и в педагогической. Дитрих Герхардт, первый докторант Чижевского, писал у него диссертацию на тему: «Гоголь и Достоевский» в их художественной взаимосвязи. Диссертация была защищена в 1939 году. Он упоминает о своем учителе: «Мой первый семинар у него, который, как всегда, велся у него дома и уже поэтому имел конспиративный характер, был посвящен Гоголю и «Вечерам на хуторе близ Диканьки»¹¹.

Д. Чижевский, которому Н. Надьярных посвятила первую (о научном работнике) монографию, совершенно справедливо пишет: «Умственный

¹⁰ ЧИЖЕВСЬКИЙ, Д.: До характеристики слов'ян. Українці. Філософські твори в 4-х томах. Київ: Смолоскип, 2005, т. 3, с. 38.

¹¹ ГЕРХАРДТ, Д.: Спогади про Д. І. Чижевського. Славістика. Дмитро Чижевський і світова славістика. Дрогобич: Коло, 2003, с. 202.

ИССЛЕДОВАНИЕ Д. ЧИЖЕВСКИМ ОСОБЕННОСТЕЙ СЛАВЯНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(НА ПРИМЕРЕ ТВОРЧЕСТВА Н. ГОГОЛЯ И Ф. ДОСТОЕВСКОГО

вектор Чижевского направлен на познание индивидуального естества человека. Этой константой определяются особенности его школы литературоведения, которая наделена философским дискурсом»¹². Естество Гоголя Чижевский воспринимал как естество украинского писателя-гения. А. Ю. Барабаш утверждает, «что гоголевское наследие, взятое в философско-этическом ракурсе, рассматривается Чижевским не просто на фоне украинской культуры и философской мысли, оно является удельной составной этой культуры и этой мысли в их историческом ракурсе... Гоголь возникает ...в контексте характерных особенностей украинской... психической организации»¹³.

Можно доискиваться в поэтике писателя капилляров (вспомним то значительное «даже»), а можно, да и нужно исследовать внешнее макроизмерение. И от маленькой клеточки поэтики идти к глобальным проблемам гения, которые все вместе формируют у Гоголя единый код украинской литературы.

¹² НАДЪЯРНЫХ, Н. С.: Дмитрий Чижевский. Единство смысла. Москва: Институт мировой литературы им. М. Горького, Наука, 2005, с. 13.

¹³ БАРАБАШ, Ю.: Гоголіана Дмитра Чижевського. Диво слово, 2002, № 10, с. 3.

